



## Глава 1

«Если женщине стали малы брюки, она думает: «Ужас, опять я потолстела», если мужчина не влез в джинсы, он решит, что они сели после стирки».

Я усмехнулась. Замечание ехидное, но права радиоведущая программы «Болтовня без повода», которую я сейчас слушаю. Не далее как вчера Иван Никифорович появился в столовой и стал возмущаться:

— Надя опять постирала вещи неправильно, не на той программе, моя любимая рубашка уменьшилась аж на два размера!

Мне стало смешно. Сорочка села? Ну-ну! Я не могу назвать себя тростинкой. Я крупная, высокая, ширококостная и прекрасно понимаю: если буду безостановочно лопать пироги, мороженое, макароны, быстро превращусь в помесь свиньи со слонем. Поэтому я старательно укрощаю свой аппетит. Справедливости ради замечу: иногда он меня побеждает. Но, уложив в себя пирог, который испекла моя свекровь Ирина Леонидовна, я испытываю муки совести и бегу на следующий день в фитнес. Кстати, служебная инструкция предписывает мне, начальнице особой бригады, регулярно заниматься спортом. Много усилий я трачу на то, чтобы стрелка



весов по утрам не отклонялась вправо. И могу похвастаться: последние годы вес не растет. Туда-сюда бродят два кило, но это вода.

— Объясните Наде, что рубашки — это не простыни, — возмутился тем временем супруг, — их не кипятят!

— Не в этом дело, — возразила Рина, — Надя правильно стирает. Ни у меня, ни у Танюши проблем с одеждой нет.

— И почему моя любимая сорочка мне мала вдруг стала? — задал гениальный вопрос Иван.

— Потому что кто-то слишком много ест, — процитировала свекровь слова Кролика из мультфильма про Винни-Пуха.

Иван обиженно засопел и ушел, Рина вскочила.

— Надо непременно найти клинику, где носорога в кузнечика превращают.

— Ваня никогда туда не пойдет, — вздохнула я.

— Поживем — увидим! — воскликнула свекровь и унеслась, за ней помчались два французских бульдога, Мози и Роки.

Вопль телефона выдернул меня из воспоминаний о вчерашнем дне.

— Ты где? — спросил Димон.

Ну вот. Если звонит Коробков, стопроцентно придется в восемь вечера возвращаться в офис.

— Домой направляюсь.

— Разворачивайся. Человек на подъезде.

— Кто? — вздохнула я.

— Вольдемар фон Сиракузский, таец русского происхождения.

Я возмутилась.



— Ты выбрал неподходящее время для шуток. Я устала, как выючный верблюд. Домой хочу. В ванну с пеной. Рина испекла творожник. А еще чай нам подарили, из Франции привезли, аромат у него потрясающий. Мечтаю выпить чашечку, слопать кусочек запеканки. Неужели ты полагаешь, что я поверю про визит фон Сиракузского, тайца из России? Приятно знать, сколь высокого мнения Коробков об уме госпожи Сергеевой, но кое-какая соображалка у меня есть.

— И мне приятно узнать, что ты меня мелким пакостником считаешь, — с обидой в голосе сказал Димон. — Да, я люблю пошутить, но не так глупо, мои шутки интеллигентные, с тонким юмором.

— Кто Йосику, главбуху, интеллигентно, с тонким юмором на стол заводную жабу поставил, и она прыгнула, когда он папку взял? — спросила я. — Вообще-то так веселятся дети в третьем классе, а в четвертом перестают.

— Всем это понравилось! — начал оправдываться Димон. — Ржачка стояла на целое здание! Йоська в коридор вылетел, орал: «Помогите!»

— Да уж, — хмыкнула я, — охрана примчалась, всех на пол мордами уложила, решили, что кассу грабят. Хохма роскошная!

— А кто виноват, что Краснов безобидной механической игрушки испугался? — пожал плечами Димон. — Придешь у него денег просить на расследования, смету покажешь, а Йося за голову картинно хватается: «Дима! Моя жаба от инфаркта уже умерла». Ну я и подарил ему лягушку, чтобы заняла вакантное место погибшей особи. Ты далеко?



Я не ответила, на второй линии была Рина, и я быстро переключилась.

— Когда домой приедешь? — почему-то шепотом спросила она.

Я зачем-то тоже понизила голос.

— А что?

— Не езжай домой.

Мне стало смешно. Рина в своем духе. «Когда домой приедешь? Не езжай домой».

— Я скинула тебе адрес, — продолжала свекровь, — Ване ни слова, это секрет. Жду.

— Прости, меня вызвали на работу, — вздохнула я.

— Ничего. Посижу, чаю попью.

— Ты в гостях?

— Нет. В одной фирме.

— Они, наверное, скоро закроются. Уже поздно.

— Сюда можно в любое время дня и ночи приехать, — заверила Рина. — Ване пока ничего знать не нужно.

Мечта понежиться в ванне с пеной разбилась как стакан, упавший с небоскреба.

— Как только освобожусь, так сразу, — пообещала я.

— Не волнуйся, не спеши, я лежу на диване, играю на айпаде в «птичек» и ем малиновое суфле, — прочирикала Рина и отсоединилась.

Я вернулась к прерванной беседе.

— Ты где? — повторил Димон.

— Вхожу в лифт, — ответила я и вошла в кабину.

Малиновое суфле, наверное, вкусное, сейчас бы я его съела. А вот в Angry birds мне играть не



интересно. Я вышла из того возраста, когда нравятся компьютерные игры. Но Ирине Леонидовне по менталитету двенадцать лет. Сколько по паспорту, понятия не имею. Да и не имеет к свекрови отношение цифра, которая указана в основном документе россиянина. Рина обожает бродилки, квесты, Angry Birds, пазлы и все такое. Она член гейм-центра. Не спрашивайте, что это такое, я компьютерная балда, могу только почту прочесть. А мать Ивана прямо хакер. Зарегистрировалась она в центре под ником «Иришка-мартышка», указала возраст: двенадцать лет.

— Я не принадлежу к молодящимся бабушкам с ярко-розовым румянцем, блондинистыми кудрями, глазками, которые ночью из-за многократной блефаропластики плохо закрываются, — тараторила она, показывая свой айпад, — но если честно укажу свой возраст, кто с мумией в птички на арене сражаться будет? Останусь одна. Смотри, какое письмо мне прилетело в день рождения: «Дорогой дружочек, Иришка-мартышка, фирма «Компрыгигр» поздравляет тебя с тринадцатилетием. Мы рады сделать подарок игроку, который вошел в нашу десятку лучших. Отправляем тебе новую игру «Принцесса и стадо монстров» бесплатно. А еще ты получаешь сундук с монетами для покупок в этой игрушке. Учись хорошо, слушайся родителей, они плохого не посоветуют. С любовью к тебе, генеральный директор». Подпись неразборчива. Эх, зря я указала, что мне двенадцать.

— Почему? — не поняла я.



— Не подумала, что годы летят, — скисла Рина, — этак и двадцать натикает. Буду в центре старухой считаться.

— Не беда, зарегистрируетесь заново и опять станете девочкой, — улыбнулась я.

— А мой рейтинг, статус три золотые звезды, второе место в десятке лучших игроков? — чуть не зарыдала свекровь. — Прикажешь всего лишиться? Заново авторитет зарабатывать?

Я отвернулась к стене, чтобы Рина не увидела на моем лице улыбку, потому что вспомнила, как пару месяцев назад, вернувшись после празднования юбилея Ивана домой, его мать обнаружила, что потеряла бриллиантовое кольцо. Наверное, оно расстегнулось, упало, а свекровь, samozабвенно танцуя рок-н-ролл, и не заметила этого. Сколько стоит украшение, лучше не говорить. Узнав новость, я кинулась в аптечку за валерьянкой, но когда притащилась в столовую рюмку с остро пахнущей настойкой, Ирина Леонидовна мирно пила чай.

— Вылей эту гадость, — велела она мне, — спасибо, Господи, что взял цацками, все живы-здоровы, остальное пустяки.

Исчезновение эксклюзивного кольца никак не расстроило свекровь. А вот перспектива лишиться в гейм-центре статуса «три звезды» довела ее почти до рыданий. Нет, матери Ивана не двенадцать лет, максимум семь. Интересно, куда и зачем мне надо ехать? В голову Рины подчас приходят фантастические идеи. Что она на сей раз придумала?

Я вышла из лифта, пробежала по коридору и открыла дверь в переговорную.



## Глава 2

— А вот и госпожа Сергеева, начальница особой бригады, — представил меня Димон.

Я села за стол.

— Добрый день. Извините за задержку, но...

— Я сам виноват, — резким тенором произнес мужчина, он держал в руке чашку с кофе, — наша встреча с вами заранее не планировалась. Разрешите представиться: Вольдемар фон Сиракузский.

— Очень приятно, — ответила я, — Татьяна.

— По паспорту я Владимир Петрович Сиракузов, — уточнил посетитель, — для вас просто Володя.

— Чем мы можем вам помочь? — осведомился Коробков.

Сиракузов вернул чашку на стол.

— В двух словах не объяснишь.

— Можете говорить сколько угодно, — сказала я, — чем больше мы узнаем, тем быстрее разберемся в ситуации.

Владимир склонил голову к плечу.

— Вы не будете возражать, если я встану? Сильно нервничаю, а ходьба успокаивает, поможет последовательно изложить проблему.

— Да хоть на шкаф залезайте, — махнул рукой Димон.

Я пнула его под столом.

— Шутка, — быстро пояснил компьютерщик.

— Понял, — усмехнулся Владимир, — на шкаф взбираться не намерен.

Я решила наконец начать деловую беседу.

— Почему вы нервничаете? Есть повод?





— За моей душой приходил дьявол, — пояснил Сиракузов.

— Дьявол? — повторила я, нажимая на тревожную кнопку под столом.

Сейчас охрана придет в состояние боевой готовности. Один звонок — это сигнал: «Возможно, понадобится помощь». Вот на два звонка надо лететь стрелой. И, как правило, получив сигнал о потенциальной опасности, сотрудники службы безопасности поднимаются на наш этаж и ждут у ресепшен продолжения банкета.

— В смысле, Люцифер? Типа хозяин ада? — уточнил Димон. — Или это кличка некоего человека, который против вас задумал зло?

— Это не уголовник, — вздохнул Владимир, — сатана.

— Живой? — задала я идиотский вопрос.

— Он бессмертен, — объяснил Владимир, — и может вечно творить зло.

— Ага, — кивнул Димон, — конечно. Хотя по поводу дьявола существуют разные мнения. Одни полагают, что он после Страшного суда окажется в аду, двери которого навсегда закроются. Грешники и князь тьмы никогда не смогут оттуда выйти. Другие возражают: мол, Христос простил тех, кто плевал в него, бил его по дороге на Голгофу, и даже тех, кто его распял. Он и дьяволу любовь явит, если тот покается, и тем, кто...

Я опять пнула ногой Димона. Вот незачем сейчас демонстрировать глубокие теософские знания! У нас в офисе сумасшедший.

Владимир словно прочел мои мысли и сказал:



— Не подумайте, что перед вами псих.

— Ну что вы, конечно, нет, — тут же соврала я.

— Я не причиню никому зла, — продолжал посетитель, — зря охрану вызвали. У вас определенно есть кнопка под столом. Естественно, вы на нее нажали. Секьюрити уже на стреме. У меня своя фирма, я работаю с клиентами. Подчас такие перчики жгучие попадают! Без парней с пудовыми кулаками никак не обойтись. Понимаю вас, а вы попробуйте понять меня. Конечно, мое заявление про сатану звучит странно, но... Давайте изложу все по порядку.

— Хорошо, — кивнула я, — начинайте.

Владимир пошел к окну и повел рассказ.

Мать Володи Сиракузова зарабатывала гаданием. В советские времена Наталья Ивановна нелегально принимала клиентов. Умная женщина будущее никому не предсказывала, понимала, что может ошибиться. Посетитель разозлится, в лучшем случае потребует назад деньги, а в худшем настучит в милицию, Наталью тогда будут ждать большие неприятности. Сиракузова называла себя психологом-ведуньей, которая использует «метод естественных последствий». Что это такое? Например. В горячей печке лежит камень, вы его хотите взять. Очень. Как могут развиваться события дальше? Если вы хватаете булыжник, получаете тяжелый ожог. Если отказываетесь от своей идеи, остаетесь здоровым. Травма от огня — естественное последствие сунутой в пламя руки. Ничего нового, скажете вы. Да. Но большинство людей, которым втемяшилось в голову получить нечто или совершить некое действие, не задумывается обо всех последствиях своего



желания. Женщина, которая тратит всю зарплату на туфли своей мечты, не думает в магазине, а на что жить-то ей потом? Она увидела вожаделенные лодочки и, впад в сомнамбулическое состояние, прет танком к полке. Разума в сей момент красавица лишена начисто, не думает, с каким платьем носить сине-зелено-красные лодочки, не обращает внимания на высокий каблук и очень узкий нос. Девица видит себя, волшебно-прекрасную, порхающей по служебным коридорам в модной лаковой обновке, слышит восхищенно-завистливые вздохи коллег и думает: «Ну, теперь Петя Иванов точно бросит Люську и обратит внимание на меня». День, когда она на самом деле притопает на работу, станет сплошным разочарованием. Через пятнадцать минут порхать по коридору станет невыносимо. Из-за узкого носика заломит пальцы, высоченный каблук вызовет боль в ступнях, голени, бедрах, лаковая кожа натрет мозоли. К по-цыгански ярким лодочкам будет сложно подобрать одежду, не говоря о сумочке. Коллеги будут пересмеиваться. Петя Иванов пройдет мимо, забыв поздороваться. А денег даже на батон хлеба не осталось! «Ну почему меня вечно преследуют неудачи», — глотая слезы, думает дурочка. А потому, что не учла естественных последствий, увидела только одну сторону медали, про вторую не подумала!

Как работала Наталья? Сиракузова расспрашивала клиентку о том, что ее волнует, потом брала колоду карт и заводила:

— Уйдет ли ваш любовник от жены? Есть два варианта ответа. Да и нет. Рассмотрим оба. Мужики с трудом семью рушат, они незаконных сожителей-



ниц «завтраками» кормят, вы потеряете время зря. И грех на душу возьмете. Закон бумеранга никто не отменял.

Ну и так далее. Наташа давала психологические консультации, которые многим помогали. Карты являлись эффектным аксессуаром. Многие люди путают психолога с психиатром и не идут к душеведам. А вот к гадалкам многие бегут охотно.

У Сиракузовых была огромная библиотека, она принадлежала отцу Володи, преподавателю истории. Петр Яковлевич увлекался астрологией, эзотерикой, занимался спиритизмом, вызывал духов умерших, составлял гороскопы. Окна дома были постоянно зашторены, стены квартиры отец выкрасил в черный цвет, потолки — в темно-синий. Электричество Сиракузовы зажигали редко, Володя готовил уроки при свече. Телевизора в семье не было, радио тоже. Мать принимала клиентов на даче, отец преподавал в институте. Утром он надевал костюм и уезжал. Мальчик с малолетства чаще всего находился дома один. Он знал: родители не любят пустых разговоров. Поэтому, когда взрослые возвращались, сын уходил в свою комнату. Придя из школы, Володя обожал рыться в старых пыльных томах, которые собрал отец, глотал их без разбора. Годам к пятнадцати он начитался эзотерической литературы, работ по оккультизму и мечтал об общении с духами.

Петр Яковлевич умер, когда сын еще ходил в школу, но Володя не горевал, отец не стал ему близким человеком. Хотя его книги сформировали личность парня. В восемнадцать лет он решил открыть салон магических услуг. Из-за отсутствия



денег Володя поступил просто, опубликовал объявление: «Помогу во всех делах. Вызов покойных родственников». Вот только не надо считать Сиракузова мошенником. Он прочитал горы книг, знал массу заклинаний, приготовил все необходимое для обрядов, Володя твердо верил: духи могут исполнить любую человеческую прихоть. Тогда социализм в России уже рухнул, начался период дикого капитализма. По телевидению показывали колдунов, ведьм, люди бросались к ним за помощью. Парень решил, что быстро найдет тьму клиентов.

Но на объявление Володи никто не откликнулся. Он приуныл. Наталья Ивановна сказала расстроенному сыну:

— Ты вот-вот окончишь медучилище, получишь специальность массажиста. Может, немного поработаешь в какой-нибудь поликлинике, накопишь денег, а потом откроешь свой салон, вложишь средства в рекламу?

— Хватит меня воспитывать, — взбунтовался всегда послушный сын. — Теперь я буду жить своим умом. Люди не идут, потому что я не один живу в квартире! По вечерам здесь едой пахнет! А человеку хочется разговора с глазу на глаз.

Наталья Ивановна могла бы поинтересоваться у отпрыска: откуда же потенциальные посетители могут знать, сколько людей проживает в доме? В объявлениях этой информации нет. Но она тихо сказала:

— Конечно, сыночек, ты прав, — и окончательно переехала на дачу.

У Наташи-то отбоя от посетителей не было. Разновозрастные постоянные клиенты, которые



привыкли по любому вопросу советоваться с гадалкой-психологом, были готовы за ней хоть на Марс лететь. Наталья всегда вела прием за городом, она ничего не потеряла, а вот сын не приобрел клиентов, желающих получить помощь от духов. К нему по-прежнему никто не спешил.

От тоски и скуки Володя, придя с занятий, продолжал читать книги покойного отца и в конце концов добрался до верхней полки, куда ранее не заглядывал, решил вытащить самый толстый том под названием «История ведьм», потянул его за корешок и чуть не рухнул со стремянки. Деревянная доска отъехала в сторону, за ней обнаружилась дверца с незапертым замком.

Владимир распахнул сейф, увидел книгу и конверт, а в нем письмо. Сиракузов сразу узнал почерк отца, который писал с затейливыми завитушками. «Сын! Я отлично знаю, что ты изучаешь собранные мной уникамы. Это похвально. Но не все можно читать в школьном возрасте. Я сделал расчет твоей жизни и понял: до этого места ты доберешься после того, как справишь восемнадцатилетие. Поэтому самое важное издание находится тут. Много лет назад мне его подарил один человек за огромную услугу, которую я ему оказал: велел ему никогда не садиться в самолеты, вылетающие с девятнадцати до двадцати часов. Не все ко мне прислушивались. Но тот мужчина не усомнился в правильности моих предостережений, поэтому его не было в лайнере, когда тот упал в океан. Ты найдешь в этой книге самые действенные заклинания. Крепко подумай, прежде чем прибегнуть к помощи черной магии. Помни: из



любопытства это делать категорически запрещено. Только в случае настоящей беды. Даже открывать книгу просто так, смотреть содержание не надо. Начнешь читать, и твои мысли услышат в преисподней. Мысли, сын мой, громче слов. Маме том не показывай, она его хотела сжечь, да я спрятал».

Думаете, Володя испугался, захлопнул сейф и постарался забыть о книге? Как бы не так! Парень стал изучать ее вопреки предостережениям отца. Информации было море. «Как вызвать духа богатства», «Как поговорить с демоном зла», «Как велеть черному ангелу убить обидчика»... В конце обнаружился лист, на котором крупным шрифтом красного цвета было написано: «Не читать, если не собираетесь продать душу дьяволу за исполнение всех своих желаний».

Лично я бы поостереглась даже знать о существовании такого заклинания. Я не верю в чертей и все такое прочее, но... А вдруг? Володя же внимательно изучил текст заклинания, несколько раз прочитал его и лег спать.

### Глава 3

Через некоторое время после того, как он достал книгу из темницы, соседи сверху капитально затопили квартиру. Заставить их оплатить ремонт было невозможно, семья алкоголиков не имела ни копейки. Володя решил сам побелить потолок, поехал на стройрынок, и там у него украли кошелек. Хорошо, что у него была мать, которая содержала его, покупала ему продукты, оплачивала коммунальные расходы. А неприятности продолжали сыпаться



на Сиракузова дождем. Парню было стыдно жить за счет родительницы. Володя решил наняться на любую службу, ему удалось найти место медбрата в доме престарелых, пригодился наконец-то полученный диплом медучилища. Зарплата вызывала нервный смех, ее едва хватало на оплату счетов, зато обещали бесплатное питание в местной столовой.

В понедельник Володя должен был выйти на работу, в воскресенье утром он свалился с высокой температурой, вечером пришли кашель, насморк, ломота во всем теле. Ночью парню стало так плохо, что он решил, будто умирает. Володя оказался в ситуации «некому стакан воды подать». И как назло, ему захотелось пить. Он попытался встать, не смог, заплакал и сказал:

— Помогите кто-нибудь! Пусть хоть дьявол придет, я и ему обрадуюсь!

Удивительно, но после этого возгласа отчаяния откуда ни возьмись у него появились силы, Сиракузов смог дойти до кухни, вылебал, как ему показалось, весь водопровод и провалился в сон. Очнулся он от тихого покашливания, открыл глаза и увидел в кресле мужчину лет пятидесяти, с бородкой, в очках, дорогом костюме и рубашке с галстуком.

— Вы кто? — обомлел парень. — Как вошли в квартиру?

— О! Это очень просто, — улыбнулся незнакомец, — ты не запер дверь, заболел, совсем голову потерял. Но сейчас тебе уже легче? Ведь так?

Володя вдруг сообразил, что у него ничего не болит, и температура упала, и кашель не мучает, и насморк прошел.





— Да, — изумился он.

— Отлично, — обрадовался гость, — ты подцепил грипп. Вирус — коварная штука. Советую перед каждым выходом из дома использовать оксолиновую мазь. Простое, но очень надежное средство. Сам ею пользуюсь.

— Вы кто? — снова спросил Сиракузов.

— У меня много имен, — улыбнулся незнакомец, — Баальберит, Чемош, Демогоргон, Локки, Мелек Таус, Мефистофель, Миктиан, Нихаз, Плутон, Риммон, Сет, Шайтан, Сатана, Таниз, Дьявол... Лучше на этом остановиться. Каждый народ, а исчезло их с лица Земли множество, называл меня по-своему. Один святой<sup>1</sup> говорил, что я тангалашка.

— Дьявол? — похолодел Володя. — Вы существуете?

Гость усмехнулся:

— Обращение «дьявол» мне не очень нравится. Если мы намерены стать друзьями, зови меня просто Ваней. Хорошее русское имя. Ты прочитал заклинание в книге, которую спрятал отец. Но произнес его неправильно, не соблюл весь ритуал. Поэтому вместо меня, твоего друга, появился мелкий бес, который стал строить козни: затопил квартиру, спер кошелек, послал тебе болезнь. Но ты в беде с такой страстью воззвал ко мне, что я услышал твою мольбу о помощи. Я здесь. Проси что хочешь.

— Абсолютно все? — ошалело уточнил Сиракузов.

— Да.

---

<sup>1</sup> «Тангалашка» — так называл сатану старец Паисий Святогорец (1924—1994).



— Деньги можно?

— Да.

— Бизнес?

— Да.

— Дом? Машину? Счет в банке?

— Да. Начинай.

— А вы после смерти заберете мою душу?

— Приятно иметь дело с образованным человеком. Да. Оформим договор на тридцать лет. Тебя это устраивает?

Владимиру в тот момент едва исполнилось девятнадцать, цифра показалась ему огромной. Три десятка лет. Ему тогда исполнится сорок девять! Глубокий старик! И Сиракузов ответил:

— Да.

— Тогда подпишем, — предложил дьявол, и в его руке сам собой возник лист бумаги. — Держи иголку, капни вот сюда немного своей крови.

Володя сделал все, что велел сатана, и крепко заснул. Утром он проснулся здоровым и поспешил на первую смену в дом престарелых.

Сиракузов познакомился с постояльцами и от всей души пожалел одинокого Никиту Сергеевича Карпова, старичка, о котором никто особо не заботился. Медбрат понять не мог, почему он так проникся к чужому, не очень приветливому деду. Володя делал ему массаж, читал газеты, приносил из столовой что повкуснее, задерживался по вечерам и сидел у его кровати. Когда Карпов умер, выяснилось, что он владел большим количеством квартир в Москве, имел огромный счет в банке, где копил арендную плату за сдачу жилья. Никита Сергеевич



был патологическим скрягой, рядом с ним герой мультика Скрудж Мак Дак просто транжира. За много лет Никита Сергеевич не снял ни копейки. Рубли он превращал в валюту, ее складывал в банковские ячейки, коих у него оказалось почти двадцать. Почему, обладая многомиллионным состоянием, недвижимостью, Карпов жил в бедном муниципальном приюте с не очень заботливым персоналом? Он же мог поселиться в самом комфортабельном месте, в окружении опытных врачей. Верно! Только комфорт и внимание стоят денег. А патологическая скарედность — не просто слова, а психиатрический диагноз. Никита Сергеевич не желал и копейки потратить, но он знал, что у гроба багажника нет, и завещал все, что имел, единственному человеку, который проявил к нему сострадание, — Владимиру. Медбрат в одночасье стал богатым.

Следующие годы жизни Сиракузова — восхождение на вершину успеха. Он создал сеть медицинских центров, где делали разного вида массажи, удачно женился. Супруга Лариса обожала мужа. Она выросла в семье олигарха Горелова, ее никак нельзя было упрекнуть, что вышла замуж из корыстных побуждений. Николай Сергеевич любил зятя, как сына. После смерти отца Лара стала очень богатой женщиной. Ее и Володю связывала нежная любовь, которая не погасла за годы брака. А еще Сиракузову досталась лучшая на свете теща. Аглая Борисовна обожает зятя, всегда блюдет его интересы, печет для него шоколадные торты, готовит его любимые котлетки.

И в придачу все члены семьи, включая тещу, были здоровы. Да они даже к стоматологу не хо-



дили! Кариес не приближался к счастливым на километр.

Владимир прервал рассказ.

— Понятно?

Я осторожно нащупала в одном из зубов дырку и молча кивнула. Вот тебе, Танюша, точно пора к дантисту.

— Позавчера ночью, — продолжал Владимир, — меня разбудил странный звук, похожий на звонок будильника. Противный, въедливый. Я сел на кровати и увидел в комнате полного мужчину с бородой, в очках, в костюме, в рубашке с галстуком. Он сказал: «Владимир, не волнуйся, это я, Ваня, твой лучший друг. Помнишь меня? Надеюсь, я не очень изменился, разве что раздобрел чуток. Мы подписали с тобой один документ».

Сиракузов на секунду перестал мерить шагами комнату, потом снова продолжил ходить.

— Ну, я просто онемел. Решил, что вижу дурной сон. А он заявил: «Владимир! Пришел час расплаты. Тридцать лет протикало. Вот договор, его надо исполнить!» И бросил на стол бумагу. Она была пыльной, у меня в глаза словно песок попал, я начал тереть лицо, а когда перестал, Ваня уже исчез! Это все. Теперь только рожа в красных пятнах осталась.

— Интересная история, — заметил Коробков, — естественно, документ нечистый с собой унес.

— Нет, — возразил гость, взял свой портфель, открыл и вытащил лист пергамента, — вот он.

Мы с Димоном одновременно уставились на лист.

— Договор, — прочитала я, — составлен Вельзевулом и Владимиром Сиракузовым, душа которого



отойдет в ад через тридцать лет после подписания сего документа. Продавец души получит богатство, счастье и исполнение всех своих желаний. Дата, печать круглая черная, с черепами, костями, какими-то чудовищами и пятно крови. Дурацкая шутка! Надо найти того, кто решил вас напугать!

— Поэтому я и приехал, — сказал Владимир. — В детстве и юности я начитался всяких оккультных книг, в голове полный компот получился. Потом повзрослел и понял: чертей не существует. Это сказки для дураков. Кстати! Я не пью! Совсем! Не употребляю алкоголь вообще. И сейчас понимаю: никто ко мне в юности не являлся, от температуры бред начался. Только и всего. А этот договор чья-то идиотская шутка! Хотя подпись очень на мою похожа. Но вы же понимаете, что есть умельцы, которые вам подпись Тутанхамона скопируют. Не знаю, правда, как он свои указы скреплял и умели писать.

— Здесь есть кровь, — сказал Димон, — если дадите нам образец своей, мы выясним, чей биоматериал на пергаменте.

Владимир мигом закатал рукав.

— Да, пожалуйста. Качайте сколько хотите.

— У вас есть враги? — спросила я, пока Димон звонил в лабораторию.

— Конечно, — усмехнулся Сиракузов, — каждый, кто поднял даже маленький бизнес, может похвастаться армией здоровенных, розовощеких недругов, которые хотят с чавканьем сожрать того, кто вылез из дерьма и сидит на скале, глядя, как «доброжелатели» в сточной канаве барахтаются.



## Глава 4

На следующий день утром я помчалась в столовую и услышала, как Иван, подходя к столу, просит Рину:

— Мама, положи мне омлет!

— Понравился? — крикнула из зоны кухни све-кровь. — Извини, дорогой, но больше нет. Съешь творог.

— Терпеть не могу молочное на завтрак! В особен-ности творог и сметану! Хочу омлета, — закапри-зничал Иван. — Ты его только для Тани пожарила?

Ирина Леонидовна подбежала к столу.

— Конечно, нет, всем дала по большому куску. Танюша, садись.

— У меня на тарелке ничего нет, — протянул муж.

— Возьми мою порцию, — предложила я, — с удовольствием съем творог.

— Вот уж не предполагала, что ты попросишь добавки, — расстроилась Рина, — всегда говоришь: мне много яиц не надо, потом желудок ноет, не больше двух, пожалуйста. Мне-то не жалко и деся-ток на сковородку разбить.

Иван сел.

— Мама, передо мной стоит пустая тарелка.

— Вот-вот, — кивнула Рина, — поэтому я и изум-ляюсь. Не успела положить омлетик, отошла на се-кунду, а ты... ам! И нету!

Иван Никифорович вздохнул:

— Я только сейчас сел за стол.

— Да, — подтвердила я, — Иван опередил меня на несколько секунд.

Рина заморгала. Мой муж засмеялся:



— Начинаем оперативно-следственные мероприятия. Осматриваю место преступления. На тарелке ничего нет, зато остался масляный след. И о чем он свидетельствует?

— Омлет на ней был, — подсказала я.

— Вилка и нож идеально чистые, — продолжил супруг.

— Значит, ими не пользовались, — сделала я вывод. — Милый, ты, конечно, мог слопать омлет прямо с тарелки без помощи столовых приборов, но внутренний голос мне подсказывает: навряд ли ты так поступил. Задаем вопрос: кто обожает яйца, молоко? Кому врач запретил их есть? Кто не берет в лапы ложку, вилку, нож?

— Кот! — подпрыгнула Рина.

Иван поднял скатерть.

— Альберт Кузьмич! Вы где?

— Мальчик пошел отдыхать в люльку, — возвестила Надежда, — не надо поклеп на него возводить! В семье еще живут братья-разбойники — Мози и Роки.

Французские бульдоги, услышав свои имена, немедленно подошли к столу. В их глазах застыл вопрос: «Нам дадут вкуснятину?»

— Нет, — отрезала Бровкина, — тем, кто украл из кладовки килограмм сыра, ничего не положено. Да еще омлет в придачу схавали! Безобразники!

Я встала, подошла к лежаку, где дремал Альберт Кузьмич, села на корточки и через секунду объявила:

— У него передние лапы масляные! Неопровержимая улика.



— У мальчика прекрасная родословная, он не мог совершить хулиганство, — отрезала домработница.

— При виде омлета можно забыть, что ты благородных кровей, — засмеялся Иван.

Надежда взяла кота на руки. Обычно Альберт Кузьмич терпеть не может, когда его ласкают, целуют. Но сейчас он только издал короткое недовольное:

— Мяу!

— Насчет неопровержимости улики можно поспорить, — к большому моему удивлению, вдруг заявила Бровкина, — экспертизу вы не проводили. И то, что лапы в жире от омлета, не доказали. Возможно, Альберт Кузьмич запачкал их, когда полез в хрустальную «лодочку» за вологодским маслицем. И ранее подозреваемый не был замечен в совершении противозаконных действий. Пошли, котик, а то на тебя сейчас чужое преступление повесят.

— Откуда Надя знает про экспертизу? — удивилась Рина, провожая помощницу по хозяйству взглядом. — Где она вообще этих аргументов набрала?

Мне стало смешно.

— Так от нас!

— Эдак она скоро адвокатом работать сможет, — восхитилась свекровь.

— Маловероятно, — усмехнулся Иван, — Бровкина зародила у нас сомнение в отношении поедания котом омлета, но сдала клиента, рассказав о другом его правонарушении, сообщила, что он в масленку лапу засовывал.

— Кстати, о масле! — обрадовалась Рина. — Ваня, у меня серьезный разговор к тебе! У Тани проблема!





— Что такое? — спросил муж.

Я постаралась сделать самое несчастное лицо.

— Врач велел мне похудеть на десять кило.

— Если Танюша наплюет на совет доктора, — перебила меня свекровь, — то у нее в ближайшем будущем появятся диабет, артрит, остеохондроз, подагра, колит, ринит, воспаление легких, энцефалит.

Я кашлянула. Вчера вечером мы с Ириной Леонидовной тайком посетили клинику и разработали хитрый план, как заставить Ивана пойти в центр, где люди теряют вес.

— Ради себя он палец о палец не ударит, — сказала Рина, — а вот если услышит, что тебе грозят нешуточные проблемы со здоровьем...

Теперь понимаете, почему Ирина Леонидовна стала с пулеметной скоростью перечислять разные недуги. Вот только ринит (в переводе на простой язык, насморк) и энцефалит от ожирения не получишь.

— А еще у нее, — самозабвенно продолжала Ирина, — еще...

— Милый, — перебила я свекровь, — суть проблемы такова. В Москве полно клиник, которые работают с тучными людьми. Берут огромные деньги, проводят простые анализы и советуют: меньше ешьте, больше двигайтесь.

— Новая полезная информация, — заметил Иван, — никогда об этом не слышал! Впервые узнал, что нельзя гору продуктов истреблять.

— Вот-вот, — подхватила я, — и в этих клиниках делают только диагностику. Потом надо искать спортзал, бассейн и все такое. А в центре «Вес ми-



нус» есть и фитнес-зал, и врачи, и разные аппараты для обретения стройности. Но!

— Но! — подхватила Рина. — Засада! Они берут только пару. Муж-жена!

— Почему? — спросил Иван.

— Потому что на диете должна сидеть вся семья, — растолковала его мать. — Представь, Танюшка жует отварную траву, а ты лопаешь сочную котлету да еще с жареной картошкой! И каково ей? А?

— Да, — протянул Иван, — это не очень хорошо. Я обрадовалась. Ура, наш хитрый план работает! Рина тоже приободрилась.

— В связи с вышеизложенным у меня вопрос. На что ты готов ради здоровья Танюши?

— Ну... — протянул муж, — ну...

— Отлично, — зааплодировала Ирина Леонидовна, — сегодня в восемь вечера вас ждут по адресу, который есть у Тани! Я горжусь тобой! Ты настоящий мужчина! Решил поддержать ожиревшую супругу, протянул ей руку помощи.

— Скорей уж свой желудок, — пробормотал Иван, — подставил под голодание! Тань, ты когда в офис?

— Оденусь и помчусь, — пообещала я.

Иван допил кофе, съел творог и ушел.

Свекровь показала на пустую тарелку.

— Обрати внимание! Он говорил: «Терпеть не могу творог. И сметану». В результате слопал полкило творожка, залив его деревенской жирной сметанкой, сверху заполировал клубничным вареньем. Тьма калорий! Бездна жира! Плюс углеводов



нехилое количество. Да мальчику после такого перекуса надо своими ногами бежать на работу и тащить джип за собой на веревочке. А он за руль плюхнется. Потом в кабинете засядет. Не забудь! Вечером вы должны быть в центре, я там со всеми договорила.

И тут только до меня дошло.

— Мне тоже придется сесть на диету?!

— Конечно, — не замедлила подтвердить Рина. — А как иначе? Ты же любишь мужа? Готова на подвиг ради его здоровья?

Я молча побежала в гардеробную, привела себя в порядок, села в машину, и тут затрезвонил телефон.

— Тань, — зазвучал из трубки голос Алексея, секретаря Ивана, — спаси!

— Ты опять вылил кофе на нашего главбуха? — захихикала я.

— Вот народ, — возмутился Леша, — один раз чашка по блюдку поехала, а до сих пор вспоминают и ржут.

— А вот и не один, — возразила я. — Кто мармелад просыпал, когда к Ивану Никифоровичу генерал Головин пришел? И кто вместо масла принес ему же на тарелке кусок мыла и настойчиво предлагал сделать гостю бутерброд?

— А кто эту фигню в служебный холодильник сунул? Без обертки! — взвыл Алексей. — Все! Не звони мне больше. Никогда!

Из трубки полетели гудки, но я не стала засовывать ее в держатель, прекрасно знала, что произойдет через секунду.



## Глава 5

Телефон опять затрезвонил.

— Привет, это я, — как ни в чем не бывало сказал Леша, — спаси! В шесть утра меня разбудила звонком Ирина Леонидовна, конкретно так заявила: «Алексей! Слушай сюда! Если принесешь начальнику любую еду, кроме свежих огурцов и петрушки, я тебе враг до могилы! Твоей! Без базара говорю! Чисто конкретно! Велю своим людям твой труп в лесу закопать».

— Во как! — восхитилась я. — Сурово. Надо послушаться. Ирина Леонидовна такая, как скажет, так и сделает.

— А сейчас Иван Никифорович отправил меня в кафе «Бабуля-котлетка», — простонал Епифанов, — велел принести бургер!

— О!

— Двойной!

— О-о!

— С особым наполнителем!

— Каким?

— Тройной бекон!

— Ого!

— С майонезом!

Я икнула.

— С чем?

— Майонезика велел побольше налить на мяско, — уточнил Алексей, — плюс три порции картофеля фри. Еще молочно-шоколадный коктейль, пирожки с малиной.

— Пирожки, не пирожок? — уточнила я.

— Ага! Три штуки, — наябедничал секретарь.



— Мда!

— Хлеб!

Я подпрыгнула.

— Так в бургере хлеб есть! Зачем ему еще?

— Иван Никифорович очень любит шоколадное масло, которое в «Бабуле-котлетке» дают.

У меня пропал дар речи.

— Таня, — позвал Алексей, — Тань! Ты тут?

— М-м-м, — промычала я, — значит, шоколадное маслице?

— Да, а как его без хлеба съешь?

— Никак, — согласилась я, — разве что на язык намазать.

— Ой, ну ты и сказала, — засмеялся Леша, — Иван Никифорович его с нарезным любит. Всегда так ест.

Меня охватило негодование.

— Всегда?!

— Иногда босс просит вместо обычного белого хлеба сдобную булочку принести, — с готовностью уточнил порученец.

— Вкусно, наверное, — пробормотала я.

— И вот проблема, — вновь пригорюнился парень, — если я принесу ему, как обычно, обед...

— Как обычно, — эхом повторила я.

— ...а Ирина Леонидовна об этом узнает, — продолжал Алексей, которого совершенно не смутил мой тон, — то она меня урочет. А если я не притащу жарчку, получу люлей от босса. Куда ни глянь, повсюду тридцать восемь. Что делать, Тань?

Я молчала. Алексей рассуждал дальше:

— С другой стороны, если активировать логику... Ну откуда мать шефа узнает, что он лопал? Иван



Никифорович хитрый! Перед тем как обедать, он пиджак, рубашку снимает и халат надевает.

Ко мне вернулся дар речи.

— Зачем ему халат?

— Босс мегапрофессионал в сыскном и разведывательном искусстве, — с восхищением сказал Леша, — я учусь у него каждый день. Задал шефу тот же вопрос, когда он мне велел халат купить и в шкаф в кабинете затырить. Иван Никифорович ответил: «Леша, агенты проваливаются на мелких деталях. И многие забывают про запах. У большинства женщин не носы, а анализаторы воздуха. Вот поем бургеров, вернусь домой, мать меня обнимет и скривится: «Сын! Ты лопал булку с котлетой!» Мама фастфуд считает кошмаром, по ее мнению, съесть бургер — это хуже, чем родину продать! И нюх у нее, как у собаки на таможне. Еще она на рубашке пятнышко от майонеза-кетчупа заметить может. Поэтому я снимаю верхнюю одежду, халат мне в помощь. Домой вернусь в чистой сорочке, без запаха котлет. Выкинь из шкафа старый, он весь грязный, в потеках от соусов, купи новый». Понимаете, какой могучий ум у босса?

— Угу, — протянула я, — могучий, как дуб!

— Никак Ирина Леонидовна не узнает, — повеселел Алексей, — хорошо, Таня, что я тебе позвонил. Хоть ты и ничего путного не сказала, да в голове у меня просветлело. Пошел за жратвой.

— Иди, иди, — пропела я, — только завешание сначала составь.

— Зачем? — поразился секретарь. — Я умирать не собираюсь.



— А придется, — прошипела я, — потому что тебя Рина убьет, и права будет! Травишь Ивана Никифоровича! Таскаешь ему вредную жарчку!

— Да как она узнает!

— Ей я прямо сейчас позвоню, про халат доложу, — мстительно сказала я.

Алексей ойкнул и отсоединился, а я, красная от негодования, въехала в подземную служебную парковку. Бургер с тройным беконом и майонезом? Хлебушек с шоколадным маслом? Коктейль и пирожки?! Вот так диета! А несчастная жена боится даже посмотреть на одну крохотную конфетку?!

Вне себя от злости я поднялась в офис, вошла в переговорную, увидела членов бригады за круглым столом и мрачно сказала:

— Итак! Что мы знаем?

— К Сиракузову пришел дьявол, — отрапортовал Федя Миркин, — сделал ему шикарное предложение.

Наш психолог Михаил Юрьевич Ершов постучал карандашом по столу.

— В прежние времена большинство населения России исправно посещало храмы, и тогда явление сатаны кому-либо не казалось чем-то исключительным. Если веришь в Бога, то признаешь и существование нечистого. Люди читали на ночь молитвы при свече, в духоте, многим из-за отсутствия кислорода всякая ерунда мерещилась. Кстати, в девятнадцатом веке в дурдома помещали людей, которые представлялись убиенным царевичем Дмитрием, Наполеоном, Петром Первым. Сейчас сии персонажи из бреда практически исключены, ныне в психушках актеры Голливуда, человек-паук, агент ноль-ноль



семь. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Думаю, первая встреча с сатаной у Владимира произошла на фоне гриппа или какой-то другой инфекции. При высокой температуре больной может бредить. Или ему снятся сны, которые он, проснувшись, считает реальностью. Не забудьте, в какой семье рос Сиракузов: мать — гадалка и доморощенный психолог, отец увлекался оккультными науками. Ясно, почему парню сатана явился. Вот ко мне в бреду мог Зигмунд Фрейд прийти.

— Но договор-то есть, — возразила я.

Илья Григорьевич Аверьянов поднял руку.

— По поводу пергамента. Он старый. Такой не выпускали более ста лет.

— И где сейчас его можно найти? — поинтересовалась Вера Трофимова, которую я совсем недавно взяла на работу.

— Обычно для подделки документов используют древние книги, — пояснил Илья. — Ранее, когда человек открывал томик, он всегда видел пустую страницу, ее называли шрифtblatt. Простите мой немецкий. В переводе — это лист для письма. Там автору полагалось ставить автограф или на нем шлепали свою печать собиратели библиотеки, или кто-то вам дарил книгу и писал поздравление с днем рождения, именинами, Рождеством. Потом листочек из экономии упразднили, сейчас он есть только в очень дорогих изданиях. Еще в старину перед иллюстрацией вставляли папиросную бумагу или вшивали кусок тонкого пергамента, чтобы сберечь картинку. Поэтому самый простой путь направиться в букинистический магазин, порыться на полках, найти томик со





шрифтоблаттом или наклейкой перед картинкой и совершить акт вандализма: выдрать лист. А вот с чернилами сложнее. Вернемся к нашему договору. Пергамент девятнадцатого века. Красящее вещество — современное, немецкого производства для ручек «Гораман».

— Чернила разные? — изумилась Вера.

— Почти все дорогие фирмы, выпускающие авторучки, делают свои, — снисходительно объяснил Аверьянов, — хотя если заправить «Гораман» продукцией «Стило», ничего не произойдет.

— Кто сейчас пользуется таким анахронизмом, как самописка? — удивился Федор.

Михаил Юрьевич вынул из портфеля замшевый мешочек.

— Я. И у каждого крупного руководителя перо есть, с его помощью подписывают договоры. Это традиция. Но ты прав. Массовый пользователь давно перешел на «шарик», а теперь он печатает на компьютере.

— Договор писал человек, который не учился каллиграфии, — продолжал Илья, — он просто постарался выписать «красивые» буквы с завитушками. Печать можно сделать на заказ. За короткое время тебе любую наваяют. Кровь! Вот это интересно!

— Собачья? Кошачья? — предположила я.

— Человеческая. Взята у Сиракузова.

— Правда? — удивился Димон.

— Именно так, — кивнул Аверьянов, — если хотите знать мое мнение: никакого дьявола, конечно, нет. Есть некий человек. Он знает о том, что Вла-



димир в юности продал душу нечистому. И сейчас пугает Сиракузова.

— Он клялся, что никому не рассказывал о сделке, — возразила я.

— Он мог забыть, — пожал плечами Федя. — Разболтал спьяну, утром и не вспомнил.

— Владимир сказал, что не употребляет горячительного, — напомнил Коробков.

— Он старовер? — прищурился Миркин. — Или член общества воинствующих трезвенников? Мормон?

— На тему его религиозных взглядов мы не беседовали, — вместо Димона ответила я.

— Назюзюкался разок и все растрепал, — предположил Федя.

— В чем смысл сей акции? — осведомился Ершов. — Какова цель спектакля? Пришел сатана, напугал мужика. Дальше что?

У меня зазвонил телефон, я ответила:

— Да. Кто? Так. Ясно. Хорошо. То есть плохо.

— Что случилось? — не сдержал любопытства Димон, когда я положила трубку на стол.

— Есть ответ о цели спектакля, — пояснила я.

## Глава 6

— Говори, не тяни, — потребовал Коробков.

— Звонила личный секретарь Сиракузова, — сообщила я, — Владимира сегодня утром госпитализировали в тяжелом состоянии. Инсульт. Ему стало плохо на работе, но он успел попросить помощницу сообщить нам о том, что его увозят в больницу.



— Опа-на! — щелкнул языком Миркин. — Довели мужика до реанимации. Жена? Дети? Теща?

— С последней, по словам клиента, у него самые прекрасные отношения, — уточнила я. — С супругой тоже все хорошо. Детей нет.

— Наверное, жена сейчас рыдает, — вздохнула Вера.

— Говорят, крокодил перед тем, как с аппетитом сожрать добычу, всегда над ней плачет, — промолвил Коробков. — Деньги! Вот главный мотив почти всех преступлений. Уж сколько раз я огород копал! Чего только не отрывал: месть, зависть, прелюбодеяние, ненависть... Да только потом лопата натыкалась на последний плодородный слой, и... там было бабло. Вульгарные ассигнации. Казначейские билеты сильнее всего другого оказываются.

— Надо поговорить с членами семьи, — решила я. — Дима, ты о них что-нибудь узнал?

— Поверхностно, — ответил Коробков, — супруга Лариса Николаевна Горелова, дочь крупного бизнесмена. Она младше мужа.

— Бедненькая, — снова с сочувствием произнесла Вера.

— Наверяд ли так можно назвать девушку, чей папаша устал считать свои миллиарды, — ухмыльнулся Федор.

— Она утром проводила любимого на работу, ждала его вечером, а тут такое, — вздохнула Трофимова.

— Небось мужик по расчету женился, — не утихал Миркин.



— Ну, зачем о человеке сразу плохо думать, — возмутилась Вера, — может, он искренне полюбил Ларису.

Димон оторвался от экрана компьютера.

— Веруня, мне тоже не очень нравится, когда на кого-то мусор метут. Владимир говорил, что на момент бракосочетания у него уже был бизнес. И есть факты. Пока я глубоко не копал, но могу сказать: господин Сиракузов на день женитьбы был совсем не бедным мальчиком. Он владеет в Москве несколькими салонами массажа. На сайте его фирмы есть замечательный рассказ. Полагаю, его в порыве вдохновения наваял нанятый владельцем пиарщик. Слушайте. Прапрапрадед Владимира служил у Петра Первого летчиком и выиграл сражение.

— Что? — засмеялся Ершов. — У царя-реформатора не было самолетов.

— Читаю, — повысил голос Коробков. — «Победив в битве японцев, барон фон Сиракузов улетел на своем истребителе...»

— Петр не воевал со Страной восходящего солнца, — снова сделал замечание наш психолог.

— Дмитрий просто цитирует чужой текст, — остановила я Михаила Юрьевича.

— Короче, прапра и так далее дедуля приземлился в Токио, оттуда сбежал в Таиланд, — доложил Коробков.

— Эта страна до тысяча девятьсот тридцать девятого года называлась Сиамом, — пробурчал Ершов.

— И там он основал местную школу массажа, — повысил голос Димон, — после распада СССР его потомок Вольдемар фон Сиракузский вернулся



в Москву и открыл здесь свои салоны. В них делают массаж в лучших тайских традициях.

— Гениальный бред, — рассмеялся психолог.

— Основная задача пиара — чтобы тебя народ из общей массы выделил и запомнил, — сказала Вера, — и не важно, как вы этого добились, из-за дурацкой истории с самолетом Петра Первого вы сейчас обсуждаете Сиракузова. Цель достигнута.

— Несколько десятилетий назад, благодаря дядьволу, дела у Сиракузова пошли в гору, — заметил Аверьянов. — На фоне большинства граждан России Сиракузов богат каких мало. Но на фоне тестя, олигарха Горелова, он нищий. Почему папуля разрешил дочке выйти за неровню замуж?

Вера закатила глаза.

— Любовь!

— Лариса при походе в загс была уже не юной девушкой, — заговорил Димон, — она жила в поселке «Якорь-мечта» вместе с родителями. Отдельных апартаментов не имела. Я нашел фото с празднования ее двадцатипятилетия. На снимке гости. Посторонних на вечеринку, думаю, не пустили. Полагаю, что там были исключительно близкие приятели. Михаил Воробьев, двадцати восьми лет, сын бизнесмена, владелец конфетной фабрики. Олег Ваканов, на год старше Ларисы, сын звезды шоу-бизнеса, певицы, он открыл салон продажи иномарок. Еще пять парней. Все из весьма обеспеченных семей, все со своим бизнесом. Успешны. Богаты. И все с девушками. Так прямо и написано: «Константин Перов, сын Игоря Перова, с его невесткой Катей». Одиноких женщин было две. Одна Лариса, вторая



неизвестная. Снимок опубликован в журнале «Хит недели» в разделе светской хроники. Репортеры знали всех тусовщиков. Но под неизвестной симпатяжкой указано: «И гостя вечера».

— Она впервые оказалась в этой компании, — сделал вывод Миркин.

— Она вообще посторонняя, — отрезала Трофимова. — У Ларисы платье от Диор, она сверкает бриллиантами. Парни в очень дорогих костюмах, с эксклюзивными часами. Волосы у всех пострижены, уложены в недешевых салонах. Ботинки из питона, крокодила, замши, туфли от Шанель. Теперь изучим незнакомку. Платье тоже недешевое, Гуччи, но оно взято напрокат.

— Почему ты так решила? — спросил Илья.

— Сидит плохо, линия плеча уехала, талия не на месте, — перечислила Вера, — рукав длинноват. Или она взяла его на один вечер для выхода, или у кого-то одолжила. Туфли той же фирмы, но они ей велики. Прическа, макияж не экстра-класса. Девушка небогата, но отчаянно пытается казаться таковой.

— Вы не о том думаете, — перебил ее Коробков, — не важно, откуда незнакомка взялась. Другое имеет значение: Ларисе двадцать пять, а она одна! Скоро станет старой девой. Отец это понимал, поэтому любому жениху рад был. Даже Сиракузову, хотя тот намного старше его дочери.

Я повернулась к Коробкову:

— Договорись с Ларисой. Попроси ее о встрече со мной.

— Когда? — деловито уточнил Димон.



— Да хоть сейчас! — воскликнула я. — Где они живут?

— А все в том же «Якоре-мечте», — пропел Коробков, тыча пальцем в трубку. — Алло! Добрый день! Можно поговорить с Ларисой Николаевной? Да, конечно.

Димон положил сотовый на стол.

— Очень строгая дама подошла, спросила: «У меня определился номер. Можно я перезвоню через минуту?»

— Хочет выяснить, кто ты, — хмыкнул Миркин, — бери мобильник, мигает.

Димон послушался.

— Добрый день еще раз. Верно. Как состояние Владимира? Да, он посетил нас. Меня зовут...

Все молча слушали, как Коробков представился по полной форме, а потом завел беседу с женой Сиракузова.

— Не откажите во встрече нашей начальнице, Татьяне Сергеевой, — говорил Димон. — Хорошо. Секундочку!

Коробков взглянул на экран ноутбука.

— С учетом пробок ей час пятнадцать добираться.

Я взяла сумку, через минут десять села в машину и в то же мгновение услышала звонок сотового, на экране высветилось: «дом».

— Что случилось? — спросила я.

— Зачем сразу о плохом думать? — зачастила Рина. — Помнишь про сегодняшний поход в клинику?

— Конечно, — завершила я.

— Вам проведут тестирование. И могут направить вас на занятия Би-ко-го!



— Что за зверь такой? — напряглась я.

— Особая методика, цель которой максимально сжечь жировой слой, — объяснила Ирина Леонидовна, — авторская разработка. Нужно иметь при себе спортивную форму. Вчера тебя там предупредили: возьмите все!

— Я совсем забыла! — воскликнула я.

— Так я и думала. В твоём распоряжении волшебная палочка, пользуйся сколько угодно, количество взмахов неограниченно! — объявила свекровь. — Я привезу две сумки, твою и Ванину, оставлю их на ресепшен в клинике.

— Ты гений! — восхитилась я.

— Хвалите меня, хвалите, — пропела Рина, — обожаю лавровые венки, фимиам, восторг и поклонение! Смотри, не опоздай! Кстати! Возможно, вы сегодня заниматься и не будете, это врач решит. Но надо быть готовой на всякий случай. Помни, худеешь ты, а Ваня — герой, который ради тебя совершает подвиг. Приготовлю-ка я на ужин кабачки, фаршированные курятиной. Ванечка их обожает, и блюдо диетическое!

— Лучше не надо, — вздохнула я, — Иван плотно пообедал бургерами с котлетами, беконом, запил их молочным коктейлем, заел пирожками и батоном с шоколадным маслом.

В трубке воцарилась тишина.

— Шутишь? — через некоторое время осведомилась свекровь.

— Серьезна, как адвокат, — вздохнула я и рассказала все, что узнала от Алексея.





— Ах поганец! — закричала Рина. — Я имею в виду секретаря. Он покойник. Слушай, это правда?

— Да, — подтвердила я.

— Странно, — задумчиво протянула Ирина Леонидовна, — когда мой Никифор Иванович возвращался домой, поев в столовой, что ему категорически запрещалось, я мигом понимала: он лопал жуткий харч. Во-первых, он всегда капал соусом себе на немаленький живот. А во-вторых...

— Запах пищи, — подхватила я, — нос у вас чувствительнее, чем у собаки на таможне.

— Да-да, — затвердила Рина. — Погоди, откуда ты знаешь?

— Школьник Ваня небось не раз слышал, как вы мужу объясняли, что он не прав? — предположила я.

Свекровь чихнула.

— Я никогда не ругала супруга, это бесполезно. Просто говорила: «Ники! Ты жрал азу по-татарски с пюре и мерзейшей подливкой! Ночью желудок заболит!» Он всегда удивлялся: ну как я узнала? Один раз муж привел домой Колю Глебова, я им двоим их дневное меню из столовки огласила. Утром Алена, жена Николаши, позвонила, спросила: «Иришечка, поделись опытом, как ты выяснила, что мужики за хавчик сожрали? Мой тоже в рыгаловке налопается непотребства, потом у него изжога, гастрит, печень на барабане играет».

И я ей про пиджак с запахом сообщила.

— Сын ваши слова услышал, на ус намотал и, когда вырос, халат купил, — выпалила я.

— Ну да, — не удивилась свекровь, — есть он



у Вани, только сын почти никогда им не пользуется, говорит...

— Не про домашнюю одежду говорю, — усмехнулась я, — про офисную.

— Халат на работе? — изумилась Рина. — Зачем он ему?

— Сейчас расскажу, — пообещала я.

## Глава 7

После моего рассказа о дьяволе в гостиной дома Сиракузова стало тихо.

Чтобы нарушить тягостную тишину, я спросила:

— Как здоровье Владимира?

Лариса быстро ответила:

— Муж в тяжелом состоянии, — и улыбнулась.

Поверьте, это не было светской улыбкой. Нет, у жены Сиракузова блестели глаза, и в придачу из груди вырвался смешок.

— Ларочка, — низким голосом произнесла ее мать, Аглая Борисовна, — сделай одолжение, принеси мою шаль. Вроде она была в столовой, на кресле.

Лариса поспешила к двери.

— Вас смутило, что Лара улыбается? — прямо спросила теща Владимира, когда ее дочь покинула комнату.

— Немного удивило, — призналась я.

— Дочь так всегда на стресс реагирует, — сообщила Аглая Горелова и кашлянула, — в школе на нее постоянно педагоги жаловались: получит двойку — хохочет. Отругают за поведение — смехом заливаются. Ее даже из одного учебного заведения выгнали,



несмотря на то, что Николай за свой счет им здание отремонтировал и пообещал вдобавок новую мебель купить. Классная руководительница, когда я документы Лары забирала, посоветовала: «Покажите ребенка психиатру. С головой у вашей дочери беда!» И я с перепугу поволокла Ларочку к специалисту.

Аглая Борисовна сложила руки на груди.

— Наша семья далека от медицины. Мои родители очень простые люди: мать — бухгалтер на кондитерском предприятии, отец — мастер на ткацкой фабрике. Денег у нас никогда много не было. Зато конфет всегда полный буфет. Обычно дети сладости выпрашивают, а я их терпеть не могла. Мне в те годы хотелось съесть кусочек колбаски, но мама ее редко покупала, для нас полкило любительской было роскошью. И замуж я выходила за парня, у которого не было ни кола ни двора, за сироту без штанов лишних. Коля работал мастером на шоколадной фабрике, где моя мама в бухгалтерии служила. Я с ним познакомилась, когда к ней зашла, а Горелов в этот момент бюллетень принес. Родители мои погибли. Но я считалась богатой невестой, у меня после их кончины осталась собственная двухкомнатная квартира. Это и сейчас неплохо, а в прошлом веке редкость. В то время или зять у тестя с тещей селился, или невестка к свекрови со свекром прописывалась. Скажи мне кто, что однажды мы с Колей будем отмечать годовщину нашего брака в Версальском дворце под Парижем, привезем туда почти тысячу гостей...

Аглая рассмеялась.

— ...послушала бы я красивую историю и... конечно, не поверила бы в нее. Когда прошел пер-



вый год нашей совместной жизни, у нас не было ни копейки. В прямом смысле этого слова. Коля тайком от меня вагоны разгружал, хотел мне устроить праздник. Утром восемнадцатого июля он мне подарил три гвоздики, а вечером повел в Парк Горького, мороженым угостил в кафе. Вот это был подарок!

Аглая Борисовна взяла чайник.

— Танечка, пейте, чай я из Парижа привожу. Зачем я в воспоминания ударилась? Просто объясняю, что врачей знакомых тогда у нас не было. Я, наивная, с Ларой в районную поликлинику пошла, местный педиатр меня выслушала и диагноз мигом поставила: «Шизофрения у девочки. Точно».

Горелова смахнула со стола крошки.

— Направление в диспансер хотела выписать, да я догадалась его не взять. Долго все рассказывать. В конце концов нам повезло найти отличного доктора, он объяснил: девочка психически здоровее многих. Ее смех в момент горя, тревоги, усталости, страха — защитная реакция. Это не лечится. Можно ли изменить цвет глаз? Нет. Да и зачем? То же самое с психикой. Есть люди, которые от ужасной новости рыдают, а есть те, что смеются.

— Мамочка, шали в столовой нет, — сказала Лариса, входя в гостиную, — я все обыскала.

— Значит, я в другой комнате ее бросила, — спокойноотреагировала Горелова, — да я уже чаем согрелась.

— Владимир верующий человек? — спросила я. Лариса села в кресло.

— Ну... как все мы. На Пасху яйца красим, куличи печем. В церковь не ходим, некогда. Но Бога



уважаем. Если полагаете, что у супруга крыша от религиозности поехала, то навряд ли.

— У нас с Володечкой очень доверительные отношения... — начала Аглая.

— Это правда, — засмеялась Лариса, — вечно мама и муж шушукаются. Он ей о своих делах постоянно рассказывает.

— Вова мне как сын, — подтвердила Аглая, — он замечательный. Но про историю с дьяволом я впервые сейчас услышала. А ты, Ларочка?

— Ничего он мне про Мефистофеля не рассказывал, — ответила дочь.

— Ваш муж пьет какие-нибудь лекарства? — обратилась я к Ларисе.

Та взглянула на мать.

— Аспирин, — начала перечислять Аглая, — кардиологи его всем прописывают, я сама его тоже по утрам глотаю. Омега-три еще. Володечка молодой, но он следит за собой. Не разжирается, как некоторые. Отвратительно, когда человек похож на бочку сала. В особенности бабы. Если народ послушать, ни у кого денег нет, все голодают. Гляньте на прохожих! По тротуарам семянт центнеры сала! А потом вопят — муж меня бросил!

Теща Сиракузова прищурилась:

— Хотя не в красоте дело. Посмотрите на меня! Я крупная, широкая, черты лица мужиковатые, от возраста поплыла немного. Не от котлет, от лет развезло.

Я открыла рот, но Аглая не дала мне и слова произнести.